

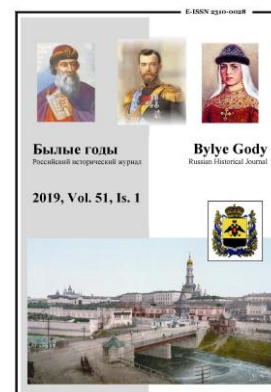
Copyright © 2019 by International Network Center for Fundamental and Applied Research

Copyright © 2019 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 51. Is. 1. pp. 252-261. 2019
DOI: 10.13187/bg.2019.1.252
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

"Equality of Cossacks under the Law and the Wrong Distribution of Allowances and Duties in Fact": the Land-Use System of the Don and Kuban Cossack Villages in 1860–1890

Artyom Y. Peretyatko ^{a, b, *}

^a International Network Center for Fundamental and Applied Research, Washington, USA

^b Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract

The article is devoted to the evolution of the land-use system in the villages of the Don and Kuban Cossack Hosts in 1860–1890. Based on the materials of the State Archives of the Rostov Region, the State Archives of the Krasnodar Region and the Manuscripts Department of the Russian National Library, the author concludes that at this time there was a transition from the “free” land-use system to a share land-use system. The first of these systems, traditional for Cossack Hosts, assumed that each Cossack smelt as much land as he wants. Since most of the Cossacks before 1860 engaged in cattle breeding, this system worked quite successfully, but its consequence was the strengthening of social inequality in the villages: the Cossacks, plowing large areas of land, quickly enriched themselves. Under these conditions, the government tried to protect the poor Cossacks by allowing them to lease their share according to the law to non-residents. This measure and the increase in land shortage in the villages led to a gradual transition of the Cossacks to a share land use system. However, as a result of mass delivery of shares to nonresident, the landlessness of not separate Cossack households, but Cossack villages as a whole began: by 1899 about 20% of the village lands of Don Cossacks were transferred to nonresident leases.

Keywords: Don Cossack Host, Kuban Cossack Host, the land-use system in the villages, M.N. Kharuzin, N.N. Karmalin, N.A. Maslakovets.

1. Введение

Наверное, почти каждый человек, интересующийся историей казачества конца XIX – начала XX вв., знает, что после принятия «Положения об управлении Донского войска» в 1835 г. для большинства станиц казачьих войск постепенно была установлена норма земли в 30 десятин на мужскую душу войскового сословия (*Столетие...*, 1911: 61). Теоретически надел подобных размеров был более чем достаточен для удовлетворения всех казачьих нужд, особенно в первое время после его принятия, когда казаки выходили на службу с частью снаряжения своих родителей и братьев, вследствие чего служба обходилась казачьему хозяйству не слишком дорого (*Маслаковец*, 1899: 13). Однако на практике дело обстояло совершенно иначе. Вот что отмечал по этому поводу высокопоставленный военный чиновник и видный статистик Н.И. Краснов, автор первого опубликованного историко-статистического описания Донского войска: «Главная выгода казаков есть равномерное распределение угодий. Каждый казак имеет право на 30 десятин удобной земли, находящейся в общественном владении станиц. На деле это выглядит иначе. Богатый захватывает 25 и более десятин, ставит 50 стогов сена, рубит лес на хозяйственные постройки. Бедный же для себя не пашет и не косит, а нанимается работником богатому <...>. Равноправность казаков по закону и неправильное распределение довольствий и повинностей на самом деле будут всегда главными причинами, побуждающими правительство к изменениям в их положении» (*Краснов*, 1863: 233–234). О том, что несовершенная система землепользования препятствует достижению благосостояния

* Corresponding author

E-mail addresses: ArtPeretatko@yandex.ru (A.Y. Peretyatko)

многих казачьих хозяйств, писали исследователь Дона М.Н. Харузин и кубанский атаман Н.Н. Кармалин, оренбургский атаман Н.А. Маслаковец и начальники уездов в казачьих войсках. Всю вторую половину XIX в. Военное министерство пыталось улучшить ситуацию, а местные чиновники даже прямо требовали делить станичные юрты на равные пай. Увы, результаты этой деятельности оказались далеко не блестящими: в 1899 г. специальная комиссия, созданная для уяснения причин обеднения Донского войска, потребовала законодательно отказаться от паявой системы землепользования (*Протоколы...*, 1899: 141). Почему же так произошло? Почему разделить казачью землю на равные пай оказалось так сложно? И наконец, почему преобразования, направленные к этой цели, привели к катастрофическим последствиям? На эти вопросы мы и постараемся ответить в своей статье, обратившись к истории двух крупнейших казачьих войск, Донского и Кубанского.

2. Материалы и методы

Проблемам землепользования в казачьих войсках во второй половине XIX в. современники уделяли много внимания. Поэтому, не перечисляя всех опубликованных работ на данную тему, укажем книгу М.Н. Харузина «Сведения о казацких общинах на Дону: материалы для обычного права», в которой содержатся как личные наблюдения автора, так и компиляция материалов донской печати 1870–1880 гг. по данному вопросу (*Харузин, 1885*). Менее подробную, но более исчерпывающую картину, к тому же отстоящую на полтора десятилетия вперед, содержат опубликованные доклады и протоколы упомянутой выше «Высочайше утвержденной комиссии для исследования причин, подрывающих хозяйственный быт войска Донского, и для изыскания мер к восстановлению его экономического благосостояния» (*Маслаковец, 1899; Протоколы...*, 1899). Эти опубликованные источники органично дополняют архивные документы: материалы о казачьем землепользовании сохранились как в Государственном архиве Ростовской области (*ГАРО*), так и в Государственном архиве Краснодарского края (*ГАКК*). Наконец, любопытнейшие сведения по экономической истории казачества вообще содержит фонд видного военного чиновника генерала от инфантерии Н.А. Маслаковца в отделе рукописей Российской национальной библиотеки (*ОР РНБ*).

При помощи всех этих материалов, используя историко-описательный метод, мы планируем создать общую картину эволюции системы землепользования в Донском и Кубанском казачьих войсках во второй половине XIX в. Кроме того, нами будет использован историко-сравнительный метод, чтобы понять, почему переход к паявой системе землепользования только обострил проблемы казачьих войск.

3. Обсуждение

Исторически для казачьих областей было характерно крайнее многоземелье и отсутствие частной собственности на землю. Согласно официальному «Столетию Военного министерства» «в 1870 г. на каждого казака причиталось земли: в Донском войске – 23, в Кубанском – 31, в Терском – 25, Астраханском – 33 и в Оренбургском – 55 десятин» (*Столетие...*, 1911: 91). Вся земля на территории казачьего войска и законодательно, и в представлении самих казаков принадлежала этому войску. Вот что писали об этом в 1863 г. депутаты от донских станиц: «Земли Войска Донского принадлежат в собственность не одному какому-либо сословию, но всему войску» (*ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 70. Л. 5*); «Мнение помещиков, желающих продавать иногородним земли, полученные ими от войска в виде дара, с таким же ограничением, которое положено и теперь, основано на одних видах личной их выгоды и противоречит общему праву на владение землями Войска Донского» (*ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 240. Л. 16 об.*). Таким образом, до 1860 гг. казаки могли выступать только пользователями своих участков. И лишь в 1861–1862 гг. Военное министерство решило передать казакам, колонизирующим предгорья Западного Кавказа, земельные наделы в полную собственность (*Volvenko, 2015: 110*). В этих условиях господствовала система землепользования, которую М.Н. Харузин называл «вольной». Вот как он описывал ее вариант, принятый в донских станицах: «Остальную же (кроме лугов, участков у хуторов и земель, специально выделенных для посевов льна, проса и бахчеводства – А.П.) степь волен каждый казак распахать, где угодно и сколько угодно. По обычаю, раз захваченные пашни остаются во владении захватившего, доколе он их обрабатывает. <...> Земля в этих общинах пашется не сплошными десятинами, а небольшими полосами, так называемыми загонами, которые разбросаны по степи в различных направлениях и в страшном беспорядке» (*Харузин, 1885: 10–11*). В других казачьих войсках технические детали «вольной» системы землепользования могли существенно отличаться. Например, в кубанских станицах Баталпашинского уезда хорошая пахотная земля делилась на равные пай, а распахать в любом количестве дозволялось только «земли сорные», причем один и тот же участок мог использоваться для земледелия не более двух лет подряд, а потом передавался под выпас скота (*ГАКК. Ф. 460. Оп. 1. Д. 67. Л. 34 об.*). Тем не менее неизменным оставался основной принцип «вольной» системы землепользования, который мы бы сформулировали следующим образом: официально фиксировался только станичный земельный надел, а за его равным разделом между казаками не следили ни станичные, ни войсковые власти, вследствие чего каждый хозяин запахивал столько земли, сколько мог, ограничиваясь в этом только возможностями своего хозяйства и местным традиционным правом.

Причины возникновения такой на первый взгляд странной системы землепользования на самом деле очевидны. Современниками отмечалось, что казаки еще в середине XIX в. обычно предпочитали тяжелому земледельческому труду иные, «более легкие» источники пропитания, например скотоводство или торговлю (Краснов, 1863: 248). С другой стороны, иногородним людям, пришедшим на территорию казачьих войск из других губерний, вплоть до этого времени запрещалось покупать или арендовать любую недвижимость в станицах, включая земельные участки, а попытки изменения законодательства в этой сфере вызывали возмущение у казаков (так, в 1858 г. в Донском войске из-за негативной реакции станичных обществ было отклонено ходатайство группы торговцев о разрешении приобретения не казаками недвижимости на территории донских станиц) (Peretyatko, 2017: 994). В результате казаки нуждались в том, чтобы у станиц были обширные общинные угодья для выпаса скота, а вот их заинтересованность в личных участках была куда слабее. Характерно, что в 1863 г. депутаты от Хоперского округа предлагали передать их станицам для увеличения юртовых земель удаленные «чересполосные участки», мотивируя это тем, что «для пользы целого общества (станичного – А.П.) первое всего нужны пастбища для табунов», которые, в отличие от пахотных наделов, могли находиться достаточно далеко от станиц (ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 240. Л. 13 об.–15). И это при том, что, как писал в том же 1863 г. Н.И. Краснов, «только в бедных угодьями и запасною землею округах Усть-Медведицком и Хоперском казаки стали обращать внимание на земледелие (курсив мой – А.П.)» (Краснов, 1863: 248). Следовательно, в других округах ситуация с земледелием обстояла еще хуже! Подводя итог, можно констатировать, что значительный личный надел до середины XIX в. не имел в глазах казаков особенной ценности, в таких участках нуждались только станичники, желающие лично заниматься земледелием, а их скромные запросы удавалось удовлетворить без какого-либо правильного раздела земель.

Однако как раз в середине XIX в. ситуация начала быстро меняться. Как отмечал все тот же Н.И. Краснов, «богатые казаки, имевшие случай уклониться от службы или в цвете лет вышедшие в отставку, при подобном распределении поземельного надела могли скоро начинаться, лишь бы приложили труд и хотя маленький капитал» (Краснов, 1863: 249). По его сведениям, некоторые станичники легально захватывали участки по 200 десятин для запашки (Краснов, 1863: 249)! Подобное положение дел, особенно в наиболее малоземельных станицах, вызывало законное возмущение у большинства, и в 1860 г. впервые на Дону в нескольких станицах Хоперского округа был произведен правильный раздел пашенных земель на равные пайи между всеми членами общины (Краснов, 1863: 249). Однако архивные документы дополняют эту на первый взгляд невинную картину иными красками. Дело в том, что в это же время, в 1863 г., в ходе разработки нового законодательства для казачьих войск выяснилось, что многие бедные казаки Хоперского округа планировали не обрабатывать полученные пайи, но сдавать их... прежним пользователям, богатым казакам (ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 240. Л. 17–18 об.). Таким образом, изменение системы землепользования было нужно части бедных станичников только для того, чтобы, не прилагая собственных усилий, получать денежную ренту.

Впрочем, важнейший удар по исторически сложившейся системе «вольного» пользования землей в казачьих станицах был нанесен позже, когда 21 апреля 1869 г. Государственный совет разработал новое «Положение» о поземельном устройстве в казачьих войсках. Вот как определял значение данного законодательного акта вскоре после его принятия донской чиновник Н.А. Маслаковец, будущий оренбургский атаман: «Установлены известные правила относительно пользования юртовыми довольствиями для каждого из членов станичного общества, впервые утверждено за ними право как личного распоряжения предоставленными паями, *так и передачи оных другим лицам, хотя бы и не принадлежащим к войсковому сословию* (курсив мой – А.П.)» (ОР РНБ. Ф. 1055. Ед. хр. 99. Л. 45 об.–46). Идя на такой шаг, правительство надеялось добиться «предоставления казачьему сословию всех способов к развитию экономической деятельности» (ОР РНБ. Ф. 1055. Ед. хр. 99. Л. 49). Иными словами, теперь даже беднейшие из казаков официально получили источник для упрочения финансового благосостояния – земельный пай, который можно было не только обрабатывать самостоятельно, для чего требовался специальный сельхозинвентарь, не всегда доступный беднякам, но и легально сдавать в аренду.

И в первое десятилетие после принятия нового закона его последствия казались самыми благотворными. В «Столетии Военного министерства» по этому поводу говорится следующее: «На первых порах поселение в станицах лиц, занимающихся сельским хозяйством, было выгодно как для них, так и для казаков. <...> Казаки имели полную возможность часть земли, на обработку коей не доставало своих средств, отдавать в аренду лицам невойскового сословия, поселяющимся в станицах, по цене, выгодной и для иногородних, и для себя» (Столетие..., 1911: 91). Так, пахотная земля в казачьих войсках обрела цену, а вопрос о смене системы землепользования в станицах вполне предсказуемо обострился.

М.Н. Харузин, описывавший ситуацию на Дону через два десятилетия после Н.И. Краснова, отмечал, что разница в размере наделов бедных и богатых казаков, при их законодательно закрепленном равенстве, в станицах с «вольным» использованием земель обрела еще более уродливые формы. Из-за роста населения и увеличения площадей запашки появились станицы, где вообще не осталось свободной пахотной земли. В результате молодые казаки, чьи семьи прежде не занимались

земледелием, не могли получить для запашки и самого маленького участка, в то время как станичные богачи обрабатывали по 400–500 десятин на душевой пай (т.е. более 1 000 десятин на семью) (Харузин, 1885: 13–14). Понятно, что подобный порядок был крайне выгоден для богатых станичников, бесплатно захватывающих дополнительные участки, и столь же невыгоден для бедных, теряющих возможность хотя бы сдать свою землю в аренду. И в Кубанском войске исправить эту несправедливость попытались местные власти: в марте 1879 г. лично атаман этого войска Н.Н. Кармалин обратился к своим подчиненным с циркулярным распоряжением, в котором требовал «разделения юртовых земель на паевые участки по возможности на долгие сроки с целью обеспечения в равной степени материальными средствами всех чинов станичных обществ» (ГАКК. Ф. 460. Оп. 1. Д. 67. Л. 10).

Хотя само это распоряжение нам обнаружить не удалось, в Государственном архиве Краснодарского края хранятся связанные с ним документы. В них Н.Н. Кармалин так обосновывал свое желание уничтожить «вольное» пользование землей в станицах: «Прежний порядок пользования землею представляет выгоды богатым жителям, а потому и поддерживается ими на общественных сходах, тогда как преобладающее большинство недостаточных членов обществ вследствие этого лишаются возможности достигнуть желаемой степени благосостояния и терпят нужду, не имея средств для удовлетворения всех нужд своих» (ГАКК. Ф. 460. Оп. 1. Д. 67. Л. 10). Однако к декабрю 1879 г. стало ясно, что выполнить приказ атамана не удастся. Во многих станицах не отказались от «вольной» системы землепользования, и тогда Н.Н. Кармалин попытался пойти на компромисс. Генерал предложил вести особые списки «жителей, которые производят распашку полей и занимают сенокосов в размерах, превышающих норму, определенную сходами для каждой семьи или души данного общества» и «лиц, имеющих больше противу допускаемого для бесплатной пастьбы на юртовых землях количество лошадей, рогатого скота и овец» (ГАКК. Ф. 460. Оп. 1. Д. 67. Л. 10 об.). С 1 января 1880 г. предполагалось, не отбирая у попавших в эти списки казаков захваченных участков и сверхштатного скота, начать взимать с них особые взносы (ГАКК. Ф. 460. Оп. 1. Д. 67. Л. 10 об.–11). В заключение Н.Н. Кармалин писал: «Капитал, имеющий образоваться от взносов этих, должен служить для вспомоществования жителям, не пользующимся земельными угодьями или же пользующимся ими в незначительных размерах, главным образом для снаряжения недостаточных казаков на полевую службу или для поправления расстроенных хозяйств» (ГАКК. Ф. 460. Оп. 1. Д. 67. Л. 11).

Однако даже компромиссный вариант реформы системы землепользования в кубанских станицах, предложенной Н.Н. Кармалиным, натолкнулся на сопротивление местных чиновников. Уже феврале 1880 г. начальник Закубанского уезда (его фамилия в документе неразборчива) сообщил о ряде сложностей, связанных с предполагаемыми преобразованиями. Правда, в начале довольно подобострастной записки он утверждал, что казаки на станичных сходах «с радостью принимают предложенную им меру и сознают всю полезность для себя деления пахотных земель на пай» (ГАКК. Ф. 460. Оп. 1. Д. 67. Л. 31 об.). Однако весь дальнейший текст фактически сводил это утверждение на нет. Прежде всего, как часто бывало в казачьих войсках, реализации исходящего сверху проекта мешали частности: для правильного раздела земли на пай требовался профессиональный землемер, но межевое управление категорически отказалось командировать такового, вполне резонно замечая, что не обязано обеспечивать передел земель между жителями одной станицы (ГАКК. Ф. 460. Оп. 1. Д. 67. Л. 31 об.–32). Что еще хуже, приказ Н.Н. Кармалина о сборе специальных взносов с казаков, запахивающих слишком много земли или имеющих излишек скота, оказался абсолютно невыполним. Как жаловался начальник уезда, на вверенной ему территории «по малочисленности населения сравнительно с юртовыми наделами, земельных угодий считается с избытком (подчеркнуто автором – А.П.)», и поэтому бессмысленно облагать обязательными взносами казаков, запахивающих земли, которые в ином случае просто пустовали бы (ГАКК. Ф. 460. Оп. 1. Д. 67. Л. 32). С другой стороны, в силу этого же многоземелья далеко не все станицы находили иногородних, готовых платить за пользование частью их юртов. И поэтому, чтобы удовлетворять «свои насущные потребности по содержанию станичных правлений, общественных почтовых троек и проч.», закубанские станицы давно ввели особый денежный сбор со всех своих жителей, рассчитываемый именно исходя из количества скота в хозяйстве. Заменять этот сбор обязательными взносами с богатых казаков, владеющих большими стадами, уездный начальник считал преждевременным, поскольку в итоге доходы и без того бедных станиц серьезно упали бы (ГАКК. Ф. 460. Оп. 1. Д. 67. Л. 32 об.). В целом, ситуация в Закубанском уезде наглядно показывала, что разработать единую систему землепользования для всех казачьих войск или даже одного крупного казачьего войска было едва ли возможно: предложения Н.Н. Кармалина, логичные в условиях, сложившихся в малоземельных станицах, были абсолютно бессмысленны в станицах многоземельных.

В том же феврале 1880 г. в Екатеринодар Н.Н. Кармалину пришла еще одна записка, критикующая его проект системы землепользования. Ее автором выступил начальник другого уезда, Баталпашинского (к сожалению, его фамилия в документе так же не читаема). Основная идея данного текста представляется нам настолько интересной, что мы приведем ее полностью. «Уравнительное пользование землей возможно лишь тогда, если само общество сознает его полезность и необходимость и члены общества будут контролировать один другого; но как

распоряжение власти оно применится на короткий срок и затем все пойдет по заведенному старому порядку» (ГАКК. Ф. 460. Оп. 1. Д. 67. Л. 33). Далее чиновник доказывал, что деление земли на пай характерно для российских крестьян, поскольку для них земля является основным источником доходов, и они, соответственно, несут повинности внутри общины в соответствии с количеством паев в семье (ГАКК. Ф. 460. Оп. 1. Д. 67. Л. 33 об.). Однако в казачьей среде, по мнению баталпашинского уездного начальника, подобная система землепользования носила бы искусственный характер: «Не то в станицах, где главное богатство составляет скот; по количеству же скота и душ делается и расклад денежных сборов на общественные надобности. Земли много: каждый берет, сколько может; с пользованием землей не соединено никаких повинностей и потому станичников не тревожит, если кто запашет или выкосит лишнюю десятину (подчеркнуто автором – А.П.)» (ГАКК. Ф. 460. Оп. 1. Д. 67. Л. 33 об.). Поэтому, считая в принципе полезным предложение Н.Н. Кармалина, баталпашинский уездный начальник призвал сначала принять меры к распространению в казачьей среде представлений о ценности земли. Первейшей мерой к этому, по его мнению, было бы не просто ввести правильное разделение станичных юртов на пай, но и следить за тем, чтобы недоимки с казаков взыскивались за счет их паявых земель, принудительно сдаваемых в аренду (ГАКК. Ф. 460. Оп. 1. Д. 67. Л. 34). Мы еще увидим ниже, что схожая мысль приходила в головы и высокопоставленных чиновников Военного министерства, приведя в итоге к катастрофическим последствиям.

Но еще более любопытные сведения баталпашинский уездный начальник собрал среди казаков. Он специально опрашивал их, чтобы понять, почему в станицах затягивают реализацию на первый взгляд разумной идеи кубанского атамана (ГАКК. Ф. 460. Оп. 1. Д. 67. Л. 33). Ему удалось выяснить, что при всех своих очевидных несовершенствах «вольная» система землепользования имела одно важнейшее преимущество над паевой, из-за чего в кубанских станицах не спешили от нее отказываться. Парадокс заключался в том, что с точки зрения еще не понявшей всей ситуации власти этот плюс и был главным недостатком «вольной» системы землепользования. С точки зрения Государственного совета и Н.Н. Кармалина традиционная система раздела земли мешала бедным казакам извлекать хоть какую-то пользу из положенных им по закону участков, сдавая их в аренду иногородним. Однако богатые казаки предупреждали о крайней опасности такой аренды, о возможности неконтролируемых последствий от нее. «При выдаче участка, увлекшись выгодой или понуженный крайностью, он (казак – А.П.) отдаст землю лет на пять, проживет деньги в один год, а затем получит землю, негодную ни для покоса, ни для пахоты, и станет бобылем (подчеркнуто автором – А.П.)» (ГАКК. Ф. 460. Оп. 1. Д. 67. Л. 35). Иными словами, «вольная» система землепользования, не защищая от обезземеливания отдельных хозяев, в то же время предохраняла от него станицу в целом, не давая уменьшить ее юрт путем сдачи части земель в долгосрочную аренду. Раздел же юрта на пай, формально обеспечивая всех казаков станицы равными наделами, фактически приводил к тому, что казачья община лишалась части земель, которые сначала отдавались в аренду иногородним, а затем возвращались истощенными и негодными к полноценному использованию. Сообщивший вышеприведенную цитату начальник баталпашинского уезда в принципе соглашался с ней, сообщая по этому поводу следующее: «Закон запрещает доставшийся по разделу пай продавать кому-либо без согласия общества. Но для этого необходим общественный контроль, который может существовать только при круговой ответственности членов общества (подчеркнуто автором – А.П.)» (ГАКК. Ф. 460. Оп. 1. Д. 67. Л. 35).

Увы, в 1880 г. эти предупреждения не были услышаны. А следующее десятилетие наглядно продемонстрировало, что казаки баталпашинского уезда оценили последствия введения паевой системы землепользования куда точнее вышестоящего начальства. Снова дадим слово современникам, на сей раз приведя цитату из «Столетия Военного министерства»: «Пользуясь высокими арендными платами, казаки стали бросать свое хозяйство, предпочитая сдавать всю свою землю в аренду. Полученные деньги в громадном большинстве случаев истрачивались самым непроизводительным способом, и в результате получалось не только материальное разорение казаков и их семейств, но и нравственная порча населения, так как деньги, добытые таким легким способом, давали казаку предаваться праздности, а в случае нужды рассчитывать на помощь общества или войска» (Столетие..., 1911: 91).

Так, может быть, местным властям вовсе не следовало лезть в проблемы станичного землепользования, позволив событиям развиваться естественным путем? Именно так поступила администрация Донского войска. Впрочем, и на его территории на смену «вольной» системе землепользования постепенно приходила паевая, однако этот процесс был долгим и сложным. Как мы писали выше, первые разделы юртовых земель на равные пай были произведены в 1860 г. в Хоперском округе. А к 1873 г. землю делили уже в 40 донских станицах из 110 (Харузин, 1885: 10). М.Н. Харузин утверждал, что и в дальнейшем, во второй половине 1870 гг. и первой половине 1880 гг., станица за станицей переходили от свободной запашки к делению земель на пай. Однако даже в 1885 г., когда он писал свою книгу, во многих станицах земля все еще не была разделена и запахивалась свободно (Харузин, 1885: 10). Как и на Кубани, главным доводом богатых казаков против раздела юртовых земель было указание на непредсказуемые последствия такого действия. А, поскольку сторонники паевого раздела на Дону не имели поддержки войсковой администрации, к голосам богачей нередко прислушивались. «Многие среднего состояния придерживаются богатых в

том опасении, что земля по разделе, попавши в руки иногородних, может быть доведена пахотою до состояния золы, так что в течение многих лет не будет в состоянии ничего производить» (Харузин, 1885: 18). Собранные М.Н. Харузиным сведения, кстати, в очередной раз подтверждают, что за раздел часто стояли не те казаки, которым не хватало земли для посевов, но те, которые вовсе не занимались земледелием и которым пай был нужен для сдачи в аренду. «К партии несогласных (на раздел – А.П.) принадлежат закоренелые приверженцы старины и вместе с тем твердые блюстители своих собственных интересов. К партии согласных – все, не занимающиеся лично земледелием, особенно бедные и большесемейные» (Харузин, 1885: 18–19). В этих условиях во многих станицах пытались найти какой-то компромиссный вариант, не отказавшись от «вольной» системы землепользования, но, смягчив ее, как на Кубани: отдавали запаханную землю в пользование запахавшему не навсегда, но на несколько лет, отводили часть юрта для деления на пахотные пай, сохранив вольную запашку на остальной территории и т.д. (Харузин, 1885: 19). Однако из-за нарастающего малоземелья «вольную» систему землепользования становилось все сложнее сохранить. Едва ли не большая часть раздела книги М.Н. Харузина о пользовании землей в донских станицах посвящена конфликтам из-за спорных участков. Как писал сам исследователь, ссылаясь на известного донского экономиста И.В. Тимощенко, там, где юрт не был четко разделен на пай, дело доходило до «совершенной войны соседа с соседом, поселка с поселком» из-за захвата наделов (Харузин, 1885: 20).

Паевая система предотвращала эту войну, но, к сожалению, на практике далеко не всегда обеспечивала действительно равный раздел земли. Дело в том, что профессиональных землемеров для паевых разделов найти было не всегда возможно, а правила этих разделов обычно определялись самими станичниками, и часто неудачно. В итоге ошибки, порой намеренные, а порой случайные, при паевом разделе земли стали нормой. Снова дадим слово М.Н. Харузину, собравшему много материала на данную тему: «В станице Старочеркасской, по прошествии двух лет после первого раздела, в пользовании землею оказалась невообразимая неурядица: кто пользовался большим пространством, кто меньшим; у иного пай оказались в нескольких местах, а другой совсем не мог отыскать своего пая» (Харузин, 1885: 23). Но даже в тех случаях, когда удавалось провести правильный раздел, нередко выяснялось, что остались непродуманными важные детали. Например, в Нижнекурмоярской станице удалось разделить юрт на пахотные пай по 8 десятин, однако станичники забыли учесть рост населения. В результате паев через несколько лет стало не хватать на всех жителей. А новый передел большинство казачьей общины проводить отказывалось, понимая, что из-за него их пай уменьшатся (Харузин, 1885: 21–22).

Но, пожалуй, самым плохим было то, что даже в том случае, если раздел земель на пай проводился при помощи землемера и на четко оговоренный срок, он, хотя и прекращал конфликты между пользователями земель, не решал той проблемы, которую надеялись разрешить с его помощью власти: и в новых условиях богатые станичники оказывались в значительно лучших условиях, чем бедные, в итоге все равно остающиеся ни с чем. Саму возможность аренды паев богачи обращали в свою пользу! Даже М.Н. Харузин, в целом явно являвшийся сторонником паевой системы землепользования, не мог не признавать, что бедные казаки часто сдают свои пай в аренду крайне дешево. Он приводил примеры того, как земля сдавалась из того расчета, что ее реальный пользователь отдаст казаку 1/3 урожая, или даже на основании следующего «договора»: «сейчас давай мне 24 четверика хлеба, а тебе – что Бог даст» (Харузин, 1885: 33). И в итоге имели место случаи, когда бедные казаки задешево сдавали свои пай богатым, а уже те по рыночной цене передавали их иногородним (Харузин, 1885: 39). Характеризуя результаты распространения паевой системы землепользования на Дону, М.Н. Харузин был вынужден цитировать И.В. Тимощенко: «Пай многих граждан очутились в руках иногородних, которые, получив их в безусловное распоряжение за самую ничтожную цену, пользуются плодородием почвы их без всякого расчета» (Харузин, 1885: 32–33).

Нам остается констатировать, что и в Донском, и в Кубанском войсках «вольная» система землепользования ко второй половине XIX в. изжила себя. Рост населения и развитие сельского хозяйства уничтожили главный фактор, обеспечивавший эффективность этой системы, уничтожили многоземелье. А власти дополнительно ускорили этот процесс: сначала в государственном масштабе было принято «Положение» от 21 апреля 1869 г., разрешившее казакам легально сдавать землю иногородним, а затем на Кубани местный атаман начал лично бороться с традиционной вольной запашкой. Земля стала ценным ресурсом, и бедные казаки, прежде не нуждавшиеся в личных участках, захотели получить таковые. С другой стороны, отсутствие закрепленных границ между наделами порождало постоянные конфликты, поскольку многие пытались захватить владения соседей. Переход к иной системе землепользования в этих условиях был неизбежен, но, к сожалению, единственным предложенным вариантом оказалась паевая система раздела земли. Формально она решала обе возникшие проблемы: каждый казак в станице получал строго отмеренный одинаковый пай, с которого даже бедняк мог получать доход, сдавая его в аренду. Но на практике именно право казака передать свой пай в чужие руки оказалось настоящим проклятием для казачьих войск. Нерадивые или понуждаемые нуждой хозяева по дешевке сдавали свои наделы иногородним, после чего, быстро потратив деньги, отягощали своими повинностями общину. Община помогала своим бедным членам и ранее (баталпашинскому уездному начальнику богатые казаки говорили, что «и так

снаряжают казаков, когда встречается надобность» (ГАКК. Ф. 460. Оп. 1. Д. 67. Л. 35 об.), однако при «вольном» пользовании землей своеобразной компенсацией за эту помощь было сохранение юртового участка, положенного бедному казаку, в общинном пользовании. Теперь же бедные казаки не только снаряжались и платили недоимки за счет общины, но и уводили свой пай из ее пользования, передав его иногороднему.

Но только в 1880 гг. правительственные чиновники начали понимать, что ситуация с казачьим землепользованием приобретает катастрофический характер. Вот что писал в 1889 г. Н.А. Маслаковец, чьи прежние надежды на то, что паевая система «предоставит казачьему сословию все способы к развитию экономической деятельности», не оправдались. «Положение 1869 года о поземельном устройстве в казачьих войсках, в свою очередь, нарушив прежний принцип исключительно общинного пользования казаками их станичными земельными угодьями, не замедлило оказать свое вредное на поддержание благосостояния казачьих обществ влияние. Станичные довольствия стали разбиваться на отдельные пай, захватываться у недавних хозяев-казаков и часто на весьма невыгодных для них условиях иногородними промышленниками. Усиленная культура станичных земель при совершенно хищнической системе хозяйства повела к быстрому ослаблению производственных их сил, казаки же, воспользовавшиеся правом передачи земельных паев для обработки в посторонние руки, сдав таковые на более или менее продолжительные сроки и часто за незначительную арендную плату, очутились без земли и без денег на тягость как собственным семьям, так и целому обществу. Последнее же, несмотря на всю видимость зла, оказывалось совершенно бессильным в устранении оногo» (ОР РНБ. Ф. 1055. Ед. хр. 104. Л. 7–7 об.). И Н.А. Маслаковец надеялся, что Военное министерство обратит внимание на вскрывшиеся проблемы, тем более что к этому времени уже шла разработка новых положений о станичном самоуправлении (ОР РНБ. Ф. 1055. Ед. хр. 104. Л. 7 об.–8).

К сожалению, понять проблему было куда проще, чем принять устраняющие ее меры. Как мы показали выше, возврат к «вольному» пользованию землей был невозможен, а предложить новую систему землепользования правительство не сумело. Правда, 3 июня 1891 г. новым «Положением об общественном управлении станиц казачьих войск» было запрещено отдавать казачьи пай в аренду на срок более одного года (Столетие..., 1911: 92). Однако на практике этот запрет так и не был воплощен в жизнь. Дело в том, что то же «Положение» включало в себя статью, сформулированную следующим образом: «Статья 154. В отношении отдельных членов станичного общества, замеченных в расточительности и неисправно отбывающих воинскую, земскую и станичные повинности, или являющихся неисправными плательщиками лежащих на них долгов в войсковые и общественные суммы, станичный сбор имеет право принимать следующие меры: 1) распоряжаться доходом с принадлежащего сим лицам недвижимого имущества; 2) отдавать их в посторонние заработки и распоряжаться выработанными ими суммами; 3) назначать к ним опекунов; 4) продавать движимое и недвижимое их имущество, согласно статьям 92–96; 5) *лишить таких лиц на известный срок права распоряжения предоставленными им поземельными паями, принимая эти пай в свое распоряжение* (курсив мой – А.П.)» (Протоколы..., 1899: 47–48). Таким образом, хотя сам казак больше не мог сдавать свой пай в аренду на длительный срок, в случае неисправного отбывания им денежных повинностей станичное общество не просто могло, но было обязано передать этот пай в чужие руки, за счет доходов с него компенсировав свои потери. Это решение на первый взгляд казалось логичным, и, как мы помним, еще в 1880 г. за него ратовал баталпашинский уездный начальник. Увы, на практике действия властей в очередной раз привели совершенно не к тем последствиям, которые ожидались.

«Станицы, предоставленные самим себе в способах удовлетворения всех общественных потребностей и поддержания имущественной правоспособности своих членов, вынуждены обратиться к юртовым земельным довольствиям как единственному, находящемуся в их распоряжении источнику, казачье население, в свою очередь, в силу естественного своего возрастания, все более и более стесняется в земельных довольствиях и мало-помалу развивает в среде своей тот имущественный пауперизм, который, несмотря, по-видимому, на все, препятствующие земельному пролетариату, условия общинного пользования землею, развивается с поразительной быстротой» (Маслаковец, 1899: 43), – сообщалась в 1899 г. в итоговом отчете специальной комиссии под председательством все того же Н.А. Маслаковца, призванной понять причины обеднения донских казаков. Сам ее председатель добавлял к этому, что «принятая в станицах мера перекладывания затрат на снаряжение неимущих казаков на их надель» приносит «ничтожный материальный результат», а «стеснительность меры этой для казаков граничит с их конечным разорением» (Маслаковец, 1899: 43). Судя по этим цитатам, после принятия нового «Положения об общественном управлении станиц казачьих войск» ситуация с арендой казачьих паев ничуть не улучшилась, а может, и обострилась. К сожалению, мы не можем сказать, сколько к началу XX в. было на Дону казаков, лишенных пая за долги, но к 1899 г. уже 18–20 % от общей площади юртовых земель было отчуждено у казачьих хозяев, и только 11 станиц из 121 сумели избежать образования специальных отводов для сдачи их иногородним лицам (Маслаковец, 1899: 42).

И поэтому нет ничего удивительного в том, что комиссия Н.А. Маслаковца признала как раз паевую систему землепользования одной из причин обеднения казачьего сословия. Ее председатель

включил следующий пункт в свой проект преобразований Донского войска: «Признать практикуемую ныне в станицах паевую систему землепользования казаками их юртовыми довольствиями не соответствующую как пользам казаков в ведении ими личного хозяйства, так и вредно влияющую на сохранение производительной силы находящихся под обработкой земель, почему и допустить сохранение ее на будущее время лишь временно, до усвоения станичными обществами более правильных взглядов на способы ведения общественного и частного хозяйства в станицах» (Протоколы..., 1899: 141). Большинство комиссии согласилось с этим предложением, причем член комиссии П.Г. Мордвинцев сделал следующее любопытное замечание: «Законодатель, разрешивши лицам невойскового сословия приобретать в пределах области войска Донского собственность и право аренды казачьих земель, несомненно, руководствовался соображениями увеличения благосостояния в области через прилив в нее новых трудовых сил, которые на почве свободной конкуренции должны создать новые ценности и при эксплуатации свободных земель. Так оно вначале и было. Но через тридцать лет, когда казачье население почти удвоилось, а пришлый элемент между тем твердо осел на казачьих землях, борьба между коренным населением и пришлецами из-за этих земель стала проявляться в размерах, обуславливаемых не обстановкой свободной конкуренции, а условиями борьбы за существование, со всеми острыми ее последствиями. В этой борьбе казаку должно помочь, потому что он обстановкой своей службы поставлен в менее благоприятные трудовые условия сравнительно с лицами невойскового сословия» (Протоколы..., 1899: 185–187). Однако комиссия Н.А. Маслаковца только осудила паевой раздел земли в станицах, не сумев предложить ему реальной альтернативы. В результате ни к каким практическим изменениям в системе землепользования на Дону работа этой комиссии не привела. Общие утверждения о необходимости создания в неопределенном будущем какой-то новой системы землепользования, предполагающей «более правильные взгляды на способы ведения общественного и частного хозяйства в станицах» в силу своей расплывчатости не могли стать основанием для конкретных реформ. И в 1900 г., когда предложения комиссии Н.А. Маслаковца рассматривались съездом окружных атаманов и начальников Войска Донского, пункт о необходимости постепенного отказа от паевой системы землепользования был просто опущен (ГАРО. Ф. 301. Оп. 7. Ч. 2. Д. 5085. Л. 23 об.–24об.).

4. Заключение

Итак, формальное право казака на 30 десятин земли мало было законодательно закрепить, его нужно было еще и реализовать на практике, а с этим в казачьих войсках наблюдались большие проблемы. До 1860 гг. в станицах применялось только «вольное» землепользование, в рамках которого большая часть станичного юрта предназначалась для скотоводства и не делилась на личные участки. В условиях многоземелья казаки, желающие заняться земледелием, все равно могли свободно запахать столько неиспользуемой земли, сколько хотели. В результате в одной станице богатый казак мог иметь в личном пользовании до 200 десятин, а бедный оставался безземельным. При всем несовершенстве эта система вполне успешно работала в условиях своеобразного постфронта, на котором основой благосостояния казачьих хозяйств было скотоводство, а земли у станиц имелось в избытке.

Однако с середины XIX в. ситуация начала быстро меняться. Этот процесс не был одновременным во всех казачьих войсках: если в малоземельном Хоперском округе Донского войска уже в 1860 г., до официального разрешения сдавать казачьи пай в аренду, бедные казаки поняли ценность земли и стали требовать ее равного раздела, то в многоземельных Закубанском и Баталпашинском уездах Кубанской области и в 1880 г. никто не протестовал, «если кто запашет или выкосит лишнюю десятину». Поэтому, возможно, если бы процесс перехода казаков от скотоводства к земледелию шел естественным путем, то «вольная» система землепользования продержалась бы дольше, и отказ от нее не имел бы таких катастрофических для станиц последствий. Но правительство подстегнуло этот процесс, 21 апреля 1869 г. официально разрешив казакам сдавать пай иногородним. Принимая этот закон, власти рассчитывали «предоставить казачьему сословию все способы к развитию экономической деятельности» (Н.А. Маслаковец) и дать бедным казакам за счет получения земли «возможность достигнуть желаемой степени благосостояния» (Н.Н. Кармалин). Увы, на практике многие бедные казаки изначально хотели не работать на полученном участке, но сдавать его в аренду. В результате по мере перехода от «вольной» системы землепользования к паевой казачьи станицы втягивались в процесс обезземеливания не отдельных хозяев, но всей общины в целом: хотя формально они и сохраняли свою землю, фактически все большая часть этой земли сдавалась в долгосрочную аренду чужакам и возвращалась сильно истощенной. Более того, бедные казаки успевали потратить вырученные деньги задолго до конца срока аренды, и в итоге община была вынуждена платить за них все повинности, не располагая уже их землей.

Богатые казаки предупреждали о возможности такого развития событий и выступали против введения паевых разделов. Однако «вольная» система землепользования была обречена: на Дону к 1885 г. в тех станицах, где она все еще применялась, часто не оставалось свободной земли, при том, что богатые семьи запахивали больше 1 000 десятин на хозяйство. Сам процесс перехода от «вольной» системы землепользования к паевой был долгим и сложным: на Кубани, где инициатором этого процесса был местный атаман Н.Н. Кармалин, многоземельные станицы оказались не готовы

даже к введению особых налогов с казаков, обрабатывающих «лишнюю» землю, поскольку в них земля все еще не представляла особой ценности; зато на Дону, где данный процесс развивался без контроля местных властей, он шел крайне медленно, и в некоторых станицах дело доходило до постоянных стычек между желающими захватить свободную или якобы свободную землю. В 1880-х гг. «вольная» система землепользования практиковалась еще во многих донских станицах, и, вероятно, окончательный удар ей нанесло только «Положение об общественном управлении станиц казачьих войск» от 3 июня 1891 г.

Данным документом предписывалось не только обязательно делить на паи станичную землю, но и принудительно отчуждать и сдавать в аренду паи казаков, не справляющихся с несением своих повинностей, причем оплата этой аренды должна была идти в станичный капитал. Учитывая дороговизну несения военной службы, новый законодательный акт обрекал станицы на дальнейшее обезземеливание из-за массовой сдачи паев иногородним, причем уже не по воле их владельцев, но по распоряжению Военного министерства. В конечном счете из-за перехода на паевую систему землепользования казаки лишились значительной части своих земель: на Дону в 1899 г. 18–20 % от общей площади станичных юртов оказалось в чужих руках.

К началу XX в. даже Военному министерству стало ясно, что паевая система не соответствует важнейшим особенностям казачьих войск. В условиях все возрастающего малоземелья она обрекала казаков и арендаторов их паев на взаимную «борьбу за существование, со всеми острыми ее последствиями». Безусловно, в этой ситуации можно было найти и определенные положительные стороны, в частности быстрое развитие сельского хозяйства на казачьих территориях. Однако Военное министерство к этому времени ставило перед казачьими войсками не экономические, но военные цели, и было готово сохранить их как военную силу даже ценой хозяйственной стагнации. Любопытно, что в 1899 г. подобное целеполагание повлекло даже конфликт между С.Ю. Витте и А.Н. Куропаткиным: будущего главу правительства Российской империи возмутило «мнение Военного Министра, что с развитием промышленности в казачьих войсках не следует пока спешить» (ОР РНБ. Ф. 1055. Ед. хр. 59. Л. 3 об.–4). Как ясно из материалов комиссии Н.А. Маслаковца, в том же 1899 г. военные чиновники признали желательным вовсе отказаться от деления казачьих юртов на паи, но найти альтернативу этому делению до наступления нового столетия не удалось даже на бумаге.

Литература

ГАКК – Государственный архив Краснодарского края.

ГАРО – Государственный архив Ростовской области.

Краснов, 1863 – Краснов Н.И. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Земля войска Донского. СПб., 1863. 596 с.

Маслаковец, 1899 – Маслаковец Н.А. О занятиях высочайше учрежденной 16-го июня 1898 года Комиссии в области войска Донского и о достигнутых ею результатах: Доклад состоящего в распоряжении военного министра Генерального штаба генерал-лейтенанта Маслаковца 23 авг. 1899 г. СПб., 1899. 123 с.

ОР РНБ – Отдел рукописей Российской национальной библиотеки.

Положение, 1891 – Положение об общественном управлении станиц казачьих войск, Высочайше утвержденное 3 июня 1891 года. Новочеркасск, 1891. 51 с.

Протоколы..., 1899 – Протоколы Комиссии по исследованию нужд казачьего населения Донской области. Б.м., 1899. 289 с.

Столетия..., 1911 – Столетие Военного министерства. 1802–1902. Т. XI. Ч. 4. СПб., 1911. 462 с.

Харузин, 1885 – Харузин М.Н. Сведения о казацких общинах на Дону: материалы для обычного права: Вып. 1. М., 1885. 432 с.

Volvenko, 2015 – Volvenko A.A. Chebotarev A.P. "The Grey Cardinal" of Cossack Reforms of the Epoch of Liberation? // *History and Historians in the Context of the Time*. 2015. Vol. 15. Is. 2. pp. 106-114.

Peretyatko, 2017 – Peretyatko A.Y. "Before Giving to the Nation or Tribe A New Order, One Must First Ask the People of this Nation whether they Need this Order": the Local Prerequisites for the Reforms of 1860–1870 On the Don. Part I // *Bylye Gody*. 2017. Vol. 45. Is. 3. pp. 937-948.

References

ГАКК – Gosudarstvennyi arkhiv Krasnodarskogo kraia [State archive of Krasnodar region].

ГАРО – Gosudarstvennyi arkhiv Rostovskoi oblasti [State archive of the Rostov region].

Kharuzin, 1885 – Kharuzin M.N. (1885). Svedeniya o kazatskikh obshchinakh na Donu: materialy dlya obychnogo prava: vyp. 1. [Information about the Cossack communities on the Don: materials for customary law: vol. 1]. M. P. 432. [in Russian]

Krasnov, 1863 – Krasnov N.I. (1863). Materialy dlja geografii i statistiki Rossii, sobrannye oficerami General'nogo shtaba. Zemlja vojska Donskogo [Materials for geography and statistics of Russia collected by officers of the General staff. Don Host Oblast]. SPb. P. 596. [in Russian]

Maslakovets, 1899 – Maslakovets N.A. (1899). O zanyatiyakh vysochaishe uchrezhdennoi 16-go iyunya 1898 goda Komissii v oblasti vojska Donskogo i o dostignutykh eyu rezul'tatakh: Doklad sostoyashchego v rasporyazhenii voennogo ministra General'nogo shtaba general-leitenanta Maslakovtza 23 avg. 1899 g.

[About the activity of the Commission in Don Cossack Hosts which was supreme approved on June 16 1898 and about its results: Report of the Lieutenant-General of the General Staff Maslakovets, which is the order of the War Minister. Aug. 23 1899]. SPb. P. 123. [in Russian]

OR RNB – Otdel rukopisei Rossiiskoi natsional'noi biblioteki [Department of manuscripts of Russian national library].

Peretyatko, 2017 – Peretyatko A.Y. (2017). "Before Giving to the Nation or Tribe A New Order, One Must First Ask the People of this Nation whether they Need this Order": the Local Prerequisites for the Reforms of 1860–1870 On the Don. Part I. *Bylye Gody*. Vol. 45. Is. 3. pp. 937–948.

Polozhenie..., 1891 – Polozhenie ob obshchestvennom upravlenii stanits kazach'ikh voisk, Vysochaishe utverzhdennoe 3 iyunya 1891 goda [Regulations about the public administration of the villages of Cossack Hosts, Highest approved on June 3, 1891]. Novocherkassk, 1891. P. 51. [in Russian]

Protokoly..., 1899 – Protokoly Komissii po issledovaniyu nuzhd kazach'ego naseleniya Donskoi oblasti [Logs of the Commission for the Study of needs of the Cossack Population of the Don Region]. Without a place, 1899. P. 289. [in Russian]

Stoletie, 1911 – Stoletie Voennogo ministerstva 1802-1902 [Century of the Ministry of Defence of 1802-1902]. T.11. Ch.4. SPb., 1911. P. 462. [in Russian]

Volvenko, 2015 – Volvenko A.A. (2015). Chebotarev A.P. – "the Grey Cardinal" of Cossack Reforms of the Epoch of Liberation? *History and Historians in the Context of the Time*. Vol. 15. Is. 2. pp. 106–114.

«Равноправность казаков по закону и неправильное распределение довольствий и повинностей на самом деле»: система землепользования в донских и кубанских казачьих станицах в 1860–1890 гг.

Артем Юрьевич Перетяtko ^{a, b, *}

^a Международный сетевой центр фундаментальных и прикладных исследований, Вашингтон, США

^b Волгоградский государственный университет, Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена эволюции системы землепользования в станицах Донского и Кубанского казачьих войск в 1860–1890 гг. На основании материалов Государственного архива Ростовской области, Государственного архива Краснодарского края и отдела рукописей Российской национальной библиотеки автор приходит к выводу, что в это время происходил переход от «вольной» системы землепользования к паевой. Первая из этих систем, традиционная для казачьих войск, предполагала, что каждый казак запахивает столько земли, сколько хочет. Поскольку большая часть казаков до 1860 гг. занималась скотоводством, эта система работала достаточно успешно, однако ее следствием стало усиление социального неравенства в станицах: казаки, запахивающие большие площади земель, быстро обогащались. В этих условиях правительство попыталось защитить бедных казаков, разрешив им сдавать положенные по закону паи в аренду иногородним. Эта мера и нарастание малоземелья в станицах привели к постепенному переходу казаков к паевой системе землепользования. Однако в результате массовой сдачи паев иногородним началось обезземеливание не отдельных казачьих хозяйств, но казачьих станиц в целом: к 1899 г. около 20 % станичных земель донских казаков были переданы в долгосрочную аренду иногородним.

Ключевые слова: Донское казачье войско, Кубанское казачье войско, система землепользования в станицах, М.Н. Харузин, Н.Н. Кармалин, Н.А. Маслаковец.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: ArtPerettko@yandex.ru (А.Ю. Перетяtko)